

graffiti

Р Ирэн Роздобудько

граффити

Я знаю,
что ты знаешь,
что я знаю...

Татьяна:
«ЛИЛИ МАРЛЕН»

...Конец марта был похож на начало января — пронизывающий ветер, слякоть, отяжелевшие сырые тучи низко нависали над городом без единой обнадеживающей щелочки, в которую могло бы проглянуть солнце, под ногами хлюпало серое грязное месиво. Каждое утро его педантично сгребали, вывозили куда-то за город, но каждый вечер снова падал мокрый снег и городок превращался в тарелку с подгоревшей манной кашей.

Ноги увязали в ней и промокали до костей. Автобусы не ходили.

Хотя какие автобусы? В этом городе их не было — все передвигались на собственных автомобилях.

Пройдя несколько кварталов, Татьяна вышла на центральную улицу и замедлила шаг, чувствуя, как сапоги медленно наполняются водой. Это было неприятно, будто идешь в бумажной обуви. Еще мгновение — расплзется и придется месить мокрый снег босиком.

Не хватало еще заболеть!

Кафе были почти пустыми — жители этого городка засыпали рано или сидели в ночных клубах. Только «Макдоналдс» светился, как китайский фонарик. В нем тусовалась молодежь.

Голова раскалывалась, волосы пропахли табаком. Татьяна механическим движением поднесла прядь к носу, понюхала и поморщилась. Волосы у нее были длинные, волнами рассыпались по плечам, имели ухоженный вид. Но этот ненавистный запах! Теперь он сопровождал ее всегда. Даже если она каждое утро мыла голову, аккуратно укладывала прическу феном и щедро поливала духами. Напрасно. Все напрасно.

Вода в сапогах начала хлюпать. Татьяна пожалела, что не надела шерстяные носки. По крайней мере, тогда бы не растерла ноги, а теперь мало того, что они мокрые, так еще и сапоги стали натирать. Завтра на пальцах расцветут волдыри.

Татьяна остановилась.

И тут же услышала тихое: «Фрау...»

Конечно! Стоит остановиться, как сразу же слышишь предложения.

— Фрау...

— Пошел ты... — процедила сквозь зубы Татьяна, думая о мокрых ногах и возможных волдырях. Услышав незнакомую речь, человек удивленно отступил.

Было далеко за полночь. Конечно, порядочные фрау в такое время уже спят.

А по улицам бродят вот такие дешевые проститутки в мокрых сапогах!

Эх, знал бы он, как час или даже меньше тому назад она стояла в круге света — в элегантном сером костюме-тройке: брюки, жилет (под которым — ничего!) и пиджак. И томным голосом, в котором было больше надрывной, «с хрипотцой», страсти, чем пения, шептала в стилизованный под старину микрофон:

*Vor der Kaserne
Vor dem großen Tor
Stand eine Laterne
Und steht sie noch davor
So woll'n wir uns da wieder seh'n
Bei der Laterne wollen wir steh'n
Wie einst Lili Marleen...*

Когда-то давно, стоя на школьной сцене с ободранным полом, под жуткий аккомпанемент учителя музыки она представляла себе именно то, что происходит с ней сейчас! Вместо самодельного платья с нашитыми блестками видела себя в кругу тусклого света, в костюме из добротной тонкой шерсти, в туфлях на высоких каблуках, в горжетке из голубой норки...

Даже в самых смелых мечтах не представляла, что когда-нибудь все будет именно так.

Но разве могла знать, что сейчас, на улице немецкого городка N, ее будет тошнить от этой песни, от запаха табака, от того, что у нее мокрые ноги, а сапоги уже третий месяц безбожно протекают, хотя стоили целых сто евро. Сто евро когу под хвост!

Нужно было срочно спасать ситуацию. Татьяна посмотрела на окна «Макдоналдса» и решительно направилась к входу.

В зале на всю катушку играла музыка — какая-то местная попса, за столиками сидела молодежь.

Татьяна беглым взглядом окинула зал, чтобы убедиться, что среди них нет посетителей ее клуба, и, приняв равнодушный вид, направилась в туалет.

Глянула на себя в большое зеркало. Под глазами — тени. Не стоило пить с последним клиентом! Но он так пристально смотрел, что она не смогла сымитировать глоток.

Вот тебе и результат. Нужно дома приложить к глазам пакетики с заваркой, если сразу же не одолеет сон.

Татьяна закрылась в кабинке. Услышала, как в туалет зашли деви́цы. Громко заговорили, защелкали ручкой на двери.

Татьяна быстро сняла пальто, повесила на крючок. Подтянула до колен джинсы и, усевшись на крышку унитаза, принялась обматывать ступни туалетной бумагой. Как боец на фронте. Хорошо, что бумаги было много.

Кроме того, что ноги были мокрые, они еще безбожно ныли — за вечер она присела всего лишь раз, в конце, по приглашению герра Брюгге, и то, как обычно, на кончик кресла, в элегантной позе птички, готовой вспорхнуть и улететь к другим огонькам.

Татьяна всунула обмотанные бумагой ноги в сапоги, с трудом застегнув «молнии», потопталась — не жмут ли — и гордой походкой вышла из туалета.

Опять — улица. Фонари. Мерцающая снежно-дождливая ночь, от которой рябит в глазах.

Сапоги все-таки жали. Не пожалела бумаги!

Татьяна остановилась, оперлась рукой о чугунную ножку фонаря, потопталась на месте, утрамбовывая бумагу. Не заметила, что топталась в луже! То есть все ее усилия оказались напрасными — почувствовала, как ненавистная вода затопливает ее бумажные портянки.

Плюнула в сердцах себе под ноги: черт побери эту ночь! Этот город! Эти фонари! Это отсутствие транспорта, а вместе со всем — и эти чертовые дорожные сапоги!

Мужчина на другой стороне улицы все еще стоял, спрятавшись под аркой. Похоже, следит за ней взглядом охотника. А она стоит под фонарем одна-одинешенька и действительно напоминает дешевую проститутку.

Сердце вздрогнуло и сжалось.

*Перед казармой
стоял фонарь...
Он стоит там до сих пор...
Давай, как раньше,
встретимся у него,
Лили Марлен...*

Вот она и стоит под фонарем. Напротив, вместо казармы — закрытая белой «гармошкой» витрина мебельного магазина. А она стоит мокрая и несчастная, в портянках из туалетной бумаги на ногах.

*Два наших силуэта
выглядели, как один...
Как нам было хорошо...
Это замечали все прохожие,
идущие мимо нас,
когда мы стояли под фонарем,
Лили Марлен...*

Сто, двести, триста раз перепетые ею строки Ханса Лайпа, написанные бог весть когда, прозвучали сегодня по-особенному — именно под этим фонарем, где она случайно остановилась.

Ханс Лайп, сын портового рабочего из Гамбурга, бедный учитель, когда-то вот так же стоял на посту под фонарем. Только это было в Берлине перед отправкой на фронт в начале апреля 1915 года, а две девушки соревновались за его внимание — дочь бакалейщика Лили и медсестра Марлен. Была еще и третья, по имени Смерть. И, чувствуя приближение этой третьей, молодой солдатик создал гимн этим двум

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Татьяна: «Лили Марлен»</i>	3
<i>Роман Иванович: Партия в шахматы</i>	22
<i>Оксана: «Гуцулка Ксения»</i>	45
<i>Вера: Сливки с клубникой</i>	66
<i>Соня: Ящик под рядом</i>	78
<i>Марина: Окно в мир</i>	95
<i>Саня: Гольфы Лауры</i>	112
<i>Максим: Коридорный</i>	125
<i>Фрау Шульце: Ковчег</i>	146
<i>Юстина: Письмо</i>	167
<i>Неизвестный Солдат: Записка</i>	183